

ПЕРЕПИСКА С К. И. ЧУКОВСКИМ 1909—1943 гг.

Предисловие и публикация *Е. Ю. Литвин*

Алексея Николаевича Толстого и Корнея Ивановича Чуковского (1882—1969) около сорока лет связывало дружеское и литературное общение. По-знакомились они летом 1907 г. в Куоккале¹. Первые выступления Чуковского о Толстом появились в 1911 г.² Наиболее значительные его работы о Толстом относятся к 1914 и 1924 гг. В статье 1914 г. «Об Алексее Толстом» Чуковский писал о нем как художнике «очаровательно талантливым», но «певце глупости»: «Герой Алексея Толстого может быть Гамлет, может быть Макбет, но может быть вспыльчив, влюбчив, нежен или суров, (...) он может быть кто угодно, но дурак он будет непременно». Однако ответа на свой вопрос, «почему всю радугу глупости, все оттенки ее и переливы (...) излучает в своем творчестве загадочный этот беллетрист»³, Чуковский так и не дает.

Вторая статья о Толстом под рубрикой «Портреты современных писателей» была напечатана в 1924 г. Чуковский вновь повторяет свой тезис о «легкомысленном» направлении творчества Толстого, но добавляет: «Глупых талантов нет, потому что талант — это ум», и отмечает, что Алексей Толстой «показал себя достойным наследником классиков русской прозы»⁴. Чуковский пишет о гармоничности жизнеощущения Толстого, особенно ярко проявившейся в «Детстве Никиты»: «Мудрость Алексея Толстого — в повышенном ощущении счастья, даваемого самыми элементарными процессами жизни, в божественной легкости всех чувств и мыслей, в радостной гармонии с окружающим миром»⁵. В заключение он указывает, что «лишь через патриотизм»⁶ пришел писатель к революции — иного пути для него не было.

«Весной 1924 года мы, ленинградские писатели, устроили в Москве вечер нашего журнала „Русский современник“, — вспоминал Чуковский⁷. Вечер состоялся 17 апреля в Большом зале Консерватории, в нем участвовали

А. Ахматова, Е. Замятин, Б. Пильняк и К. Чуковский, который посвятил свое выступление творчеству А. Н. Толстого. Об этом сохранилось свидетельство критика и литературоведа Н. Н. Фатова: «18 апреля 1924. Вчера был в Консерватории на Петербургском писательском вечере Корней Чуковский. Читал про Ал. Толстого. Расхваливал невероятно...»¹.

Спустя годы, характеризуя свои ранние критические работы о Толстом, Чуковский с сожалением замечал: «К стыду своему должен сказать, что, любясь его дарованием, я по его ранним вещам все же не предвидел в нем автора „Хождения по мукам“, „Петра...“ и других классических творений. Мне казалось, что тот Толстой, которого мы знали тогда, есть законченный, сложившийся писатель, а между тем его настоящий расцвет был еще впереди, ибо он принадлежал к тем редчайшим талантам, которые непрерывно растут до последнего дня,— очень медленно, но непрерывно. Когда он писал свою „Повесть о многих превосходных вещах“ („Детство Никиты“), мне почудилось, что это высший предел его литературных возможностей»².

Немало страниц посвятил Чуковский Толстому в своем знаменитом рукописном альманахе «Чукоккала». Здесь сохранилось 6 автографов Толстого за 1915—1928 гг., из которых один вызывает наибольший интерес: «4 июня 1923 года — первый день приезда в Петроград, в день моей лекции, за 1/2 часа до нее, — с тараканьими ногами от страха и встречи с тем, что я еще не знаю и не чувствую. А. Толстой»³.

«В 1923 году в Россию вернулся Алексей Николаевич Толстой, — вспоминает Чуковский. — На вокзале его встретили двое — я и его близкий приятель художник Белкин. (...) 4 июня 1923 года Толстому, вчерашнему эмигранту, предстояло встретиться с петроградской общественностью и дать отчет о своем пребывании в эмиграции»⁴.

В конце 50-х — начале 60-х годов Чуковский работал над воспоминаниями о Толстом, которые появились затем в двух вариантах: первый — «Юность Алексея Толстого» — вошел в сборник Чуковского «Из воспоминаний» (М.: Сов. писатель, 1959); второй, освещавший почти всю жизнь Алексея Николаевича, — в сборник «Воспоминания об А. Н. Толстом» (М.: Сов. писатель, 1973; 2-ое изд. — 1982).

Переписка Толстого и Чуковского охватывает 35 лет: с 1908 г. по 1943 г. Сохранилось 19 писем Толстого и 9 писем Чуковского. В настоящем издании эта переписка впервые публикуется как двусторонняя: 14 писем Толстого и 7 писем Чуковского (пять писем Толстого опущены, поскольку они не раз публиковались Чуковским в составе его воспоминаний о писателе).

Некоторые письма были напечатаны в связи с объявлением о выходе настоящего тома в ЛГ и журнале «Вопросы литературы», а также в Записках Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (М.: Книга, 1983, вып. 44; в дальнейшем сокр.: *Записки*).

¹ *Воспоминания*, с. 17—19.

² Литературные обзоры за 1910 год. — Речь, 1911, 1 янв.; Литературные обзоры за 1911 год. — Речь, 1912, 1 янв.

³ *Чуковский К. Лица и маски*. Спб.: Шиповник, 1914, с. 154.

⁴ *Рус. современник*, 1924, № 1, с. 256.

⁵ Там же, с. 264.

⁶ Там же.

⁷ *Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского*. М.: Искусство, 1979, с. 310.

⁸ Фатов Н. Н. Встречи, разговоры... (Дневниковые записи литературного характера). — ГБЛ, ф. 218, № 1314, 28, л. 40.

⁹ Чуковский К. Воспоминания. Вариант 2-й — ГБЛ, ф. 620, 47, 22, л. 21.

¹⁰ Чуоккала, с. 310.

¹¹ Там же.

1. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

1909, Петербург

Дорогой Корней Иванович!

Дайте, пожалуйста, посланному от Константина Ивановича Диксона мой рассказ «Старая башня»¹, он один только в рукописи.

За все это буду Вам бесконечно признателен.

Ваш граф А. Н. Толстой

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

Датируется по содержанию.

¹ Рассказ Толстого «Старая башня» напечатан впервые в мае 1908 г. в журн. «Нива» (№ 21). В письме речь идет о второй редакции рассказа (см.: Гамаюн: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Семиреченской области. СПб.: Изд. о-ва помощи учащимся в СПб туркестанцам, 1911).

Константин Иванович Диксон (1871—1942) — журналист, очевидно, один из составителей этого сборника.

Сохранилось письмо Толстого Диксону и автограф рассказа «Старая башня», датированный автором 1909 г., посланный вместе с письмом (ЦГАЛИ, ф. 2567, оп. 2 ед. хр. 451 и 114). Приводим текст письма Толстого полностью:

«Глубокоуважаемый Константин Иванович я очень извиняюсь, что до сих пор не прислал Вам рассказа, но он у Чуковского, который забрал все мои рассказы и этот. Чуковского же я никак не могу увидеть, а послать — он забывает. Если бы Вы могли послать за рассказом „Старая башня“ к Чуковскому Корнею Ивановичу (Чуоккала Ф. Ж. Д.) с моей карточкой, то вышло бы и скоро и ловко.

Ваш гр. Алексей Н. Толстой

2. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

11(24) января 1911, Петербург

19 $\frac{11}{1}$ 11

Милый Корней Иванович,

посылаю Вам, как обещал, все, что есть у меня, не вошедшие в книжку рассказы¹. Некоторые из них войдут в III и VI томы, которые еще в проекте. II-й том будет роман «Две жизни»². Вам его обещал прислать Вейс³.

Мне и Соне⁴ было очень жалко, что мы не попали в воскресенье к Вам, но оба захворали, а завтра я уезжаю в Москву. Около 20-го, если позволите, мы приедем.

Крепко жму Вашу руку. Соня и я кланяемся Марье Борисовне⁵.

Ваш гр. А. Н. Толстой

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

¹ Имеется в виду Собрание сочинений Толстого в 2-х книгах, выходявшее в 1910—1912 гг. в издательстве «Шиповник». Из напечатанных к тому времени в периодике рассказов Толстого в это собрание не были включены рассказы «Самородок», «Два анекдота об одном и том же», «Поэма в семнадцать лет», «Пастух и Маринка».

² Впервые опубликован в альманахе издательства «Шиповник» (СПб., 1911, кн. 14, 15). Вошел он и во II-й том Собрания сочинений. Кроме романа, в томе опубликованы: «Неверный шаг (Повесть о совестливом мужике)»; «Месть»; «В лесу»; «Терентий Генералов»; «Туманный день»; «Родные места»; «Лихорадка»; «Казацкий штос»; «Ночь в степи»; «Клякса».

³ Возможно Давид Лазаревич Вейс (1877—1940) — журналист.

⁴ С. И. Дымшиц-Толстая.

⁵ Мария Борисовна Чуковская (1880—1955) — жена Чуковского.

*С. И. Дымшиц-Толстая.
Фотография. Петербург, 1909.
ИМЛИ. Публикуется впервые*

3. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

4(17) марта 1911, Петербург

4.III.1911

Дорогой Корней Иванович,

только что отправил Вам письмо ¹ с неверным сведением, выезжаем мы ² на поезде 9.55, который в Куоккале не останавливается.

А папироски, пожалуйста, купите.

Ваш А. Толстой

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

¹ Это письмо в архиве Чуковского не сохранилось.

² Речь идет о поездке Толстого и С. И. Дымшиц-Толстой к Чуковскому в Куоккалу. О встречах Толстого с Чуковским в марте 1911 г. см. в наст. книге Дневник Толстого 1911—1914 гг.

4. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

Апрель-май 1918, Москва

Корнею Ивановичу Чуковскому

Дорогой Корней Иванович, умоляю Вас — в память нашей поездки на миноносце ¹ и прочее, написать для Кинематографического комитета, где я редактором репертуара, детский сценарий ². В один день 300 миллионов детских глаз увидят то, что Вы им сочинили, такая популярность, честное слово, не то, что издавать книжки.

К Вам явятся, дадут деньги, возьмут рукопись и, очевидно, на этом же письме сделают какие-либо деловые приписки.

Крепко жму Вашу руку, привет Марье Борисовне.

Ваш А. Толстой

Когда приедете в Москву, мы опять поменяемся калошами. Наташа³ Вам кланяется.

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

Датируется по содержанию: в июле 1918 г. Толстой с семьей уехал из Москвы.

На письме сделана приписка следующего содержания:

«Уважаемый Корней Иванович, присоединяюсь к просьбе Алексея Николаевича, очень прошу Вас не отказать нам в написании детского сценария. Податель письма поговорит с Вами об условиях и условится, когда зайти за рукописью.

С уважением и ожиданием.

Д. Марьянов

¹ В феврале—марте 1916 г. Толстой и Чуковский в составе группы журналистов петроградских газет ездили в Англию (см. об этом в наст. книге письма Толстого к Н. В. Крандиевской-Толстой).

² Сведениями о написании Чуковским детского сценария мы не располагаем.

³ Н. В. Крандиевская-Толстая.

5. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

20 апреля 1922, Берлин

Kurfürstendamm, 31. Pans. M. Fischer, Berlin

20 апреля 1922 г.

Милый Корней Иванович, Вы доставили мне большую радость Вашим письмом¹. Первое и главное — это то, что у вас, живущих в России, нет зла на нас — бежавших. Очень важно и радостно, что мы снова становимся одной семьей. Важно потому, что, как мне кажется, — никогда еще на свете не было так нужно искусство, как в наши дни: в нем залог спасения. Радостно потому, что эмиграции — пора домой. Эмиграция, разумеется, уверяла себя и других, что эмиграция высококультурная вещь, сохранение культуры, неугашение священного огня. Но это так говорилось, а в эмиграции была собачья тоска: — как ни задирались, все же жили из милости, в людях, и думалось, — быть может, вернемся домой, и там примут неласково: — без вас обходились, без вас и обойдемся. Эта тоска и это бездомное чувство вам, очевидно, незнакомы. Признаваться в этом тяжело, но нужно. На чужбине мы ели горький хлеб. В особенности, когда остыло безумие гражданской войны, когда глаза понемногу стали видеть вещи жизни, а не призраки, — началась эта бесприютная тоска. Много людей наложило на себя руки. Не знаю — чувствуете ли вы с такой пронзительной остротой, что такое родина, свое солнце над крышей? Должно быть, мы еще очень первобытны или в нас еще очень много растительного, и это хорошо, без этого мы были бы просто аллегориями. Пускай наша крыша убогая, но мы под ней живы.

Вот чему мы научились в эмиграции. Большему вряд ли чему по-настоящему мы научились на Западе. Европа не живет, а зализывает раны, рычит и скалится на старые обиды, над шелудивым телом вьются, липнут трупные мухи,— неистовая сволочь, паразиты². Лишь в Германии можно поучиться труду и мужеству. А на западе от Рейна пожалуй что и этого нет,— то есть мужества и труда. Деревня пустеет, работать не желают. Города переполнены. В городах скука, одурь и безразличие, пьянство. Это — современность, конечно. Старая культура прекрасна, но это мавзолей: романский, пышный, печальный мавзолей на великом закате, а у подножия — уличная толпа, не помнящая родства, с отшибленной за годы войны памятью, с вылущенной совестью. Культурные, умные французы,— а если француз умен и культурен, то это человеческий образец,— очень понимают это и брезгуют своей республикой. Как это ни странно, но французская высшая интеллигенция в 19 и 20 годах была в большинстве большевистствующей³, она с какой-то спокойной печалью готовилась к европейской, в особенности французской, революции, но эта чаша миновала.

К чему все это приведет? Должно быть, все же силы жизни возьмут верх, душевно опустошенное поколение будет сменено более здоровым. Но в жизни Европы решающую роль должна сыграть Россия. Оттуда, из России, должно подуть спасительным забвением смерти. Вы помните очень давнишнее настроение А. А. Блока⁴, когда он сидел дома с выключенным телефоном,— у него было безнадежное уныние бессмыслицы, в каждом лице он видел очертания черепа. Вот так же и в Европе:— заперта дверь, и выключен телефон с жизнью.

Я чувствую, как Россия уже преодолела смерть. Действительно — смертью смерть поправ. Если есть в истории Разум, а я верю, что он есть, то все происшедшее в России совершенно для спасения мира от безумия сознания смерти. Я понимаю так: — смерть такая же безусловность, как звездное небо над головой. Так я и должен ее принять,— как безусловность. Но расширенными зрачками, отдав все силы души, глядеть в эту непостижимую безусловность,— это болезнь. Европа, вообще не привыкшая к безднам, до сих пор не может отвести глаз, душа ее угнетена и мрачна.

Разумеется, все это лишь самые общие очертания, скорее — таково впечатление от Запада, когда поживешь в его городах. Но, может быть, это сама правда и есть: уныние опустошенных душ.

На этом печальном фоне искусство (туземное)⁵ чахнет и тускнеет. У русского искусства мало соперников. К нему тянутся, как к источнику живой воды. Спротивления еще много, еще бы, но покоряющая сила его поразительна. Его влияние выступает все яснее, об этом говорят все громче, правда — пока еще с оттенком изумления: ведь все же мы — варвары, мы еще не новые Афины второго Рима. В Германии, в особенности, сильно влияние Достоевского⁶. Его здесь чтут, может быть, больше, чем у нас.

Разумеется, успеху русского искусства помогает страшный ущерб искусства европейского: дорога свободна. Но есть и особая причина. Это уж из моих соображений. Я думаю, что русское искусство особенного типа, и тип этот теперь чем дальше, тем в более чистом виде будет проявляться. Его основа, его зерно — внутри полое. Например, зерно (романского искусства) в разрезе ровное, ровное, однообразное, очевидное. Русское — со свищем. Это ни хорошо и ни плохо, и думаю, что теперь только полое семя даст колос. С этой самой полости немцы и сходят с ума от Достоевского.

Искусство романское на закате, и рационально-правовая мораль, и римское понимание государственности: людям в ней тесно. Жизнь стала обширнее и глубже романского сознания. Вот тут-то и нужна живая вода, которую, как нам известно, приносит ворон в клюве. Все это давно уже сказано, но я воспринимаю это всей кожей, как воздух.

Обращаюсь к Вам с большой просьбой, Корней Иванович; я составляю сейчас двухнедельный журнал, литературно-критический, без политики. Журнал имеет приложение к газете «Накануне» (группа «Смена вех») ⁷. Я был бы счастлив, если бы Вы прислали мне статьи для журнала, — о чем хотите. Очень хорошо о Блоке ⁸. Пришлите также стихи Чуковского ⁹. Гонорар Вы назначьте сами и напишите — в каком виде его переслать. Передайте мою горячую просьбу Замятину и Серапионовым братьям прислать рукописи для журнала ¹⁰. К Серапионову братству душевно присоединяюсь. Горький много о них рассказывал. Буду писать Вам в «Новую Европу» ¹¹ о среднем человеке, но написать можно малоутешительное, не лучше ли рассказать Вам книжки мои, — 1) «Хождение по мукам» в переработанном виде ¹², 2) «Любовь — книга золотая» ¹³, 3) «Повесть о многих превосходных вещах», роман из жизни одного мальчика ¹⁴, 4) «Лунная сырость» ¹⁵ — повесть выходит в конце этого месяца, все их пришлю Вам. Я также переиздал старые вещи в переделанном, а иные в заново написанном виде ¹⁶, но их присылать не буду. Книга стихов Натальи Васильевны выходит из печати в начале мая ¹⁷.

Позвольте Вас обнять, милый Корней Иванович, привет Марье Борисовне и всему «литературному дому Чуковский~Чуковский» ¹⁸. Сердечный привет Замятину и Серапионам, пусть они присылают и рукописи и книги для отзыва. Все, что мне пришлете для журнала, Корней Иванович, будет ценно и интересно.

Жму Вашу руку.
А. Толстой

Впервые опубликовано адресатом (частично) в «Литературных записках» (1922, № 1) под заглавием «Письмо А. Н. Толстого, полученное одним из его друзей»; в дальнейшем (также частично) входило под заглавием «Из письма» в Собрание сочинений А. Н. Толстого: в 15 т. (т. 13) и в 10 т. (т. 10). Впервые полностью: *Записки*, с. 149—151. Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

Публикуемое письмо близко по содержанию «Открытому письму» Толстого Н. В. Чайновскому, а также другим письмам этого времени, например письму Андрею Соболю от 12 июня 1922 г. (см.: Рус. литература, 1959, № 1, с. 175—180).

¹ Письмо Чуковского, о котором идет речь, найти не удалось.

² В статье «О Париже» (1923) Толстой писал: «Париж наполнили толпы опустошенных людей. Ни героических знамен, ни взрывов ликования. Тоска, злора, недоумение: „мы истекали кровью,— что мы получили за это“» (ПСС, т. XIII, с. 16).

³ Толстой, очевидно, имеет в виду дух бунтарства, который был характерен для французской художественной интеллигенции после первой мировой войны и под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

⁴ Речь, по-видимому, идет о настроениях Блока в 1912 г. В его дневнике этого времени мы находим многочисленные записи о тяжелом и подавленном состоянии души, об опустошенности, усталости, боязни жизни. В качестве примера можно привести запись от 11 июня 1912 г.: «Я все еще не могу вновь приняться за свою работу — единственное личное, что осталось у меня в жизни, так как ужасы жизни преследуют меня... Справлюсь — одна надежда. Пока же — боюсь проклятой жизни, отвожу от нее глаза (...) я стал одинок, и стало мне опять не переварить этой пакости, налезшей на меня... Боюсь жизни» (Блок А. А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л.: Худож. лит., 1963, т. 7, с. 149). Это настроение Блока отразилось в его стихотворном цикле «Пляски смерти» (февраль-октябрь 1912 г.).

⁵ Очевидно — «иноземное», т. е. нерусское.

⁶ Об этом см.: Дудкин В. В., Азадовский К. М. Достоевский в Германии (1846—1921): Обзор. — В кн.: Лит. наследство. М.: Наука, 1973, т. 86 (Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования, с. 659—740).

⁷ Речь идет о «Литературном приложении» к газете «Накануне», редактором которого Толстой стал с апреля 1922 г. К сотрудничеству в «Литературном приложении» Толстой сумел привлечь К. Федина, М. Слонимского, В. Каверина и других молодых советских писателей.

⁸ Статью о Блоке для «Литературного приложения» Чуковский не написал. Очевидно, тогда же Чуковский послал Толстому свою книгу «О Блоке» (Пг.: Эпоха, 1922); второе издание этой книги вышло в Берлине в 1922 г.

⁹ Николай Корнеевич Чуковский (1904—1975) — сын Чуковского, в то время начинающий поэт и переводчик.

¹⁰ См. об этом п. 7.

¹¹ «Новая Европа» — очевидно, ошибка Толстого. Речь идет о журнале «Новая Россия», который в марте 1922 г. начал выходить в Петрограде в издательстве Л. Д. Френкеля. После первых двух номеров издание было прекращено, и с августа 1922 г. стал выходить журнал «Россия» (на титуле которого уже стояло «Москва — Петроград» и «Общественно-литературный журнал группы литераторов и ученых, продолжающих работу, начатую в петроградском ежемесячнике „Новая Россия“» (см.: Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова. — Записки Отдела рукописей / ГБЛ. М.: Книга, 1976, вып. 37, с. 52). В этих изданиях Толстой не участвовал.

¹² Хождение по мукам. Берлин: Москва, 1922.

¹³ См. примеч. 1 к п. 6.

¹⁴ Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты). М., Берлин: Геликон, 1922.

¹⁵ Луная сырость: Повести двадцать первого года. Берлин: Рус. творчество, 1922.

¹⁶ Очевидно, имеется в виду сборник «Китайские тени» (Берлин: Огоньки, 1922), в который были включены ранние произведения Толстого — «Петушок», «Приключения Растегина», «Человек в пенсне», «Любовь».

¹⁷ Сборник стихотворений Н. В. Крандиевской-Толстой «От лукавого» (Берлин: Геликон, 1922).

¹⁸ Очевидно, шутливый намек на существование двух писателей Чуковских: Корнея Ивановича и его сына Николая Корнеевича.

6. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

22 апреля 1922, Берлин

Kurfürstendamm, 31. Pans. M. Fischer, Berlin

22 апр. 1922

Дорогой Корней Иванович, посылаю Вам новую книжку¹. Эта комедия идет в Париже в «Viex Colombier»² с очень большим успехом. Написана она в Одессе, в 19-м году, в тоске и холоде.

Вчера послал Вам длинное письмо³ на Ваш адрес: Моховая, 36. Если Вы его не получите — известите меня.

Крепко жму Вашу руку.
Ваш А. Толстой

Впервые в связи с объявлением о выходе наст. книги: Вопр. лит., 1983, № 1, с. 118.

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

¹ Любовь — книга золотая. Берлин: Москва, 1922. Эта книга сохранилась в библиотеке Чуковского (см.: Библиографическое описание книг библиотеки К. И. Чуковского: Персоналия Т-Я./ Составление Е. П. Чуковской. — ГБЛ, ф. 620, 76,1 л. 53).

² «Старая голубятня» (франц.). Театр основан в Париже в 1913 г. Ж. Копо.

³ См. п. 5.

7. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

20 мая 1922, Берлин

Kurfürstendamm, 31, Berlin

20 мая 1922

Дорогой Корней Иванович.

Получили ли Вы мое длинное письмо?¹ А если получили — почему молчите? Обращаюсь к Вам с просьбами: 1) пришлите что-нибудь в «Лит. приложение» «Накануне», 2) способствуйте тому, чтобы Серапионовы братья прислали рукописи в Л<итературное> пр<иложение> и 3) напишите мне, что Вы знаете о моей дочери Марьяне. Ее мать, Софья Исааковна, написала мне еще в декабре 1921 г., в Париж. Я письмо получил в конце февраля и тотчас же ответил, но и это письмо как в дыру провалилось. Я очень беспокоюсь о девочке.

Присылайте же материал Ваш и Вашего сына. Крепко жму Вашу руку.

А. Толстой

Р. С. Альманах Серапионовых братьев я приобрел — выхватил у Эренбурга — для издательства «Русское творчество»². Посылаю Вам «Детство Никиты»³, «Любовь — книга золотая» послал с месяц тому назад.

Впервые: Записки, с. 151—152.

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

¹ См. п. 5.

² «Серапионовы братья»: Альманах первый. Пг.: Алконост, 1922; был переиздан в Берлине: «Серапионовы братья»: Заграничный альманах. Берлин: Рус. творчество, 1922. Горький писал М. Слонимскому 10 сентября 1922 г.: «„Сбор-

ник", наконец, вышедший здесь в издательстве „Русское творчество“, где работает А. Н. Толстой — очень читается и весьма волнует» (Лит. наследство, т. 70, с. 382).

³ Очевидно, первое отдельное издание этого произведения; см. примеч. 17 к п. 5.

8. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

После 20-го июня, 1922, Берлин

Вторник

Дорогой Корней Иванович,
спасибо Вам за то, что Вы навестили Марьяну. Дело с ее отъездом тянется¹ — черт их знает, всех этих господ, которые берутся что-нибудь делать и расплываются в космосе, как сопли, без возврата и ответа.

С удовольствием напишу для «Носорога» рассказ: он будет называться «Носорог», — из африканской жизни². Будьте благонадежны в смысле знания природы этого животного и его штук. Но мне нужно *знать*, кому в Берлине передать рассказ и у кого получить деньги?

Мне очень хочется, чтобы Вы написали статью о «Хождении по мукам», «Детстве Никиты» и «Любовь — книга золотая»³. *Некому же писать!* Ужасно. Критики удалились в Африку к носорогам и живут созерцательной жизнью. А ведь читателю нужно, чтобы пленочка была проткнута, иначе он с книжкой не знает, что делать.

В сентябре кончаю новый роман «Аэлита»⁴, — это сплошь из жизни носорогов, — место действия на Марсе. Вот волюшка-то для фантазии!

Мне ужасно была тяжела вся история с письмом⁵. Но, дорогой Корней Иванович, я был введен в заблуждение: я был уверен, что Ваше письмо есть ответ на мое письмо, и так как свое я послал Вам, предполагая, что Вы его напечатаете, то и Ваше я рассматривал, как присланное для печати. Но там были слишком горькие слова. Я пошел к Алексею Максимовичу и мы вместе читали письмо и вычеркнули из него одну треть. Фраза же о Волынском была вычеркнута, но в типографии ее почему-то набрали. (Вычеркивал Горький карандашиком). Но, боже мой, какие это все мелочи! Снег уже стаял. Ругали меня с остервенением и сладострастием. Надоело и перестали. Но почему же не говорить правду? Неужели нужно всегда и везде притворствоваться?

Обнимаю Вас. Привет жене и детям.

Ваш Толстой

Впервые в связи с объявлением о выходе наст. книги: *Вопр. лит.*, 1983, № 1, с. 118—119.

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

Датируется по содержанию.

¹ Имеется в виду переезд М. А. Толстой, дочери Толстого и С. И. Дымшиц, на жительство к отцу в связи с изменившимися обстоятельствами в семье ее матери; переезд откладывался, так как некому было сопровождать десятилетнюю девочку в этом пути (устное свидетельство Ф. Ф. Волькенштейна).

² «Я в то время,— пишет Чуковский,— пытался составить альманах „Носорог“ — и обратился к Толстому, чтобы он написал для альманаха рассказ. Он ответил мне...» (*Воспоминания*, с. 37). Рассказ «Носорог» Толстой не написал.

³ Статью о творчестве Толстого Чуковский написал в 1924 г.— См. предисловие к наст. публикации.

⁴ Роман под заглавием «Аэлита (Закат Марса)» впервые был напечатан в журн. «Красная новь» (1922, № 6 (10), 1923, № 1 (11), № 2 (12)).

⁵ Имеется в виду публикация письма Чуковского к Толстому (апрель — май 1922 г.) в «Литературном приложении» к газете «Накануне» (1922, 4 июня), редактором которого был Толстой. Письмо Чуковского содержало негативные оценки творчества некоторых писателей, группировавшихся вокруг «Дома искусств» в Петрограде; публикация письма вызвала возмущение литературной общественности в нашей стране (см.: Письмо Горького Толстому от середины сентября. 1922 г.— Лит. наследство, т. 70, с. 402; Письма А. П. Пинкевича Горькому от 17 и 25 июня 1922 г.— КГ—п. 5-7-23-13-14; а также воспоминания самого Чуковского «Страницы из дневника» (Юность, 1982, № 3, с. 86).

9. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

1 октября 1922, Берлин

Belzigerstr, 46, Berlin, Schöneberg.

1 октября 1922.

Дорогой Корней Иванович,

Рассказ для «Носорога»¹ я уже начал писать. Окончу его через неделю. Мне приходится писать его урывками по вечерам, так как все остальное время я спешно кончаю роман («Аэлита» — «Закат Марса»). Аэлита — имя очень хорошенькой и странной женщины. Роман уже переводится на немецкий².

Наташа³ тоже писала стишок. Через неделю материал будет послан Вам.

На днях я переговорю с Каплуном⁴ — если он заплатит мне 25 тысяч за рассказ и стишок — тогда материал передаю ему. Если откажется — напишу Вам — куда и кому передать деньги.

Через неделю выплю — непременно, так Вы твердо и рассчитывайте — в 2-х копиях, чтобы не пропало.

О Марьяне напишу в следующем письме.

Ваш Толстой

Впервые: *Записки*, с. 153—154.

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

¹ См. п. 10.

² Роман «Аэлита» вышел на немецком языке в 1924 г. (*Aelita: Ein Mars-Roman*. München: A. V. A., 1924).

³ Н. В. Крандиевская.

⁴ Борис Гитманович Каплун (Сумский) — заведующий берлинским отделением издательства «Эпоха».

10. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

Октябрь 1922, Берлин

Belzigerstr, Berlin, Schöneberg.

Милый Корней Иванович, чтобы не задерживать номера,— посылаю Вам только начало рассказа «Клятва»¹. Напишите мне — когда нужно продолжение, т. е.— еженедельный или ежемесячный Ваш журнал?

Очень прошу Вас 25 тысяч марок передайте Марианне. Посылаю стихотворение Натальи Васильевны². Через неделю она вышлет Вам детскую поэму в 300 строк «Джен и Ника».

Весь Ваш А. Толстой

Впервые: *Записки*, с. 154.

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

Датируется по содержанию.

¹ Отрывок из неоконченной повести Толстого «Клятва» был опубликован в «Литературном приложении» к «Накануне» (1922, 26 нояб.). В журнале, редактируемом Чуковским, рассказ напечатан не был. В 1963 г. он был опубликован в «Лит. России» (1963, 5 июля; публикация В. И. Баранова).

² См. примеч. 3 к п. 11.

11. ЧУКОВСКИЙ — ТОЛСТОМУ

Октябрь, 1922, Петроград

Дорогой Толстой, если Вам удастся также хорошо закончить повесть, как Вы ее начали, это будет превосходная вещь, *открывающая новую эру в детской литературе*. Я давно уже доказывал Серапионовым братьям, что повесть из жизни мальчишек-папиросников гораздо романтичнее, интереснее всяких «Всадников без головы», команчей, последних могижан. Ваш герой с таинственной надписью на спине¹ — есть подлинный центральный герой современной России. Я знаю тысячи таких мальчишек, и все мечтал, чтобы какой-нибудь беллетрист написал из их жизни повесть. Я и не думал, что Вы в Берлине учтете этот центральный тип, этот главный нерв. И такая *завязка* для *большой* повести! Какие возможности для развития тысячи приключений. Редко — даже Вам — случается написать такую чудную вещь. Здесь нет пустых мест, нет мертвых точек. Спасибо, Вы обрадовали меня очень. Представитель издательства Л. М. Клячко² сегодня пишет Вам обо всех денежных делах, я же, как редактор, могу сказать только одно: не пренебрегайте такой хорошей завязкой, используйте ее по-настоящему, не ограничиваясь одним эпизодом. Мы рады будем напечатать эту вещь хоть в десяти номерах. Но у нас в издательстве есть один принцип, от которого мы не можем отступать: мы не можем печатать начало, не имея конца. Мы будем быстро и аккуратно уплачивать Вам гонорар за каждую присылаемую Вами рукопись, но мы приступим к напечатанию только тогда, когда у нас будет конец. Или вернее — не конец, а *завершение данного эпизода*. Я уверен, что если Вы напишите роман из жизни этих двух мальчишек, то роман будет состоять из целого ряда небольших, вполне закруглённых рассказов (вроде «Детства» Горького; я говорю лишь о композиции, а не о стиле или сюжете). Мы отложили Вашу повесть — и с минуты на минуту ждем завершения главок. Тогда немедленно сдаем ее в набор и будем ждать продолжения: второго эпизода, третьего и т. д.

Натальи Васильевны «Письмо» будет напечатано гораздо раньше — в сборнике «Радуга» для маленьких детей³. Я сегодня пойду к Вл. Вас. Лебедеву⁴ и попрошу его проиллюстрировать эти стихи,—

нарисовать, как гусеница пишет письмо, а заяц читает письмо. Мне очень понравился тон стихотворения — и соотношение двух стилей: взрослого и детского. «Не имея на то права» — у другого поэта казалось бы неряшливо и вяло, — а у Нат. Васильевны это и грациозно, и мило, и свидетельствует не о слабости, а о силе.

Ваш Чуковский

На днях я объехал несколько детских приютов и всюду читал свои стишки, — хотел ближе познакомиться с нынешними младенцами. Как забавны эти большелобые, пузатые, бритые четырехлетние слушатели. Не знаю почему, когда я вижу целую комнату, сплошь набитую четырехлетним головатым и пузатым народом, мне становится смешно до неприличия. Каждый из них — карикатурно-солиден, и нисколько не чувствует своего лилипутства. Когда я кончил читать, их учительница сентиментально спросила:

— Ну что, детки, понравилось вам? Что Вас заинтересовало больше всего?

Один четырехлетний сказал:

— Зубы золотые.

А другой прибавил:

— Три.

(Слушая, они смотрели мне в рот и заметили и даже подсчитали золотые зубы).

Для таких нужно писать иначе, чем писали до сих пор. И Вы попали в самую точку.

Впервые: *Записки*, с. 154—155.

Публикуется по подлиннику (Архив Горького, ПТЖ-16-42-1).

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. 9, 10.

¹ Эпизод с «живым письмом» впоследствии использован Толстым в романе «Гиперболоид инженера Гарина» (гл. 28).

² Лев Моисеевич Клячко (1873—1934) — журналист, книгоиздатель.

³ Это стихотворение Н. В. Крандиевской вошло в ее книгу «Звериная почта» (Л.: Время, 1925).

⁴ Владимир Васильевич Лебедев (1891—1967) — народный художник РСФСР (1966). В 1910-е годы сотрудничал в журн. «Сатирикон». В советское время много работал в области детской иллюстрации. Наиболее известны его иллюстрации к произведениям С. Маршака, К. Чуковского, Р. Киплинга.

12. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

12 марта 1924. Петроград

Милый Корней Иванович, мне совершенно необходим «Бунт машин»¹, умоляю Вас дать его подателю сего.

12/III 24 г.

г. Петроград

Алексей Толстой

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

На обороте письма расписка:

«Пьесу „Бунт машин“ получил (подпись нрзб.)

12/III—24

г. Петроград».

¹ Пьеса Толстого «Бунт машин» вышла отдельной книгой весной 1924 г. в издательстве «Время», сотрудником которого был Чуковский. Вероятно, Толстому она понадобилась для доработки в связи с постановкой пьесы в апреле на сцене Большого Драматического театра в Ленинграде.

13. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

8 сентября 1924. Ленинград

8/IX 24

Дорогой Корней Иванович,

1) Я был болен и работал мало, поэтому к сроку всего окончить не мог.

2) «Ибикус» разрастается, и я предполагаю дать еще 10 страниц и поставить «Конец 3-й части и конец повести в следующей книжке»¹.

3) Эти 10 страниц я сдам в четверг в 5 часов.

4) В четверг я попрошу денег!

Ваш А. Толстой

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

¹ Повесть Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус» печаталась в журнале «Рус. современник» (1924, № 2—4), в состав редколлегии которого входил Чуковский. Сохранился отзыв Чуковского об этом произведении: «Повесть эта все еще недооценена в нашей критике, между тем здесь такая добротность повествовательной ткани, такая легкая виртуозная живопись, такой богатый, по-гоголевски щедрый язык. Читаешь и радуешься артистичности каждого нового образа, каждого нового сюжетного хода. Власть автора над своим материалом безмерна» (Воспоминания, с. 39).

14. ЧУКОВСКИЙ — ТОЛСТОМУ

23 октября 1931. Алушка

Милый А. Н., — у меня есть прелестный сюжет для современной авантурной юношеской повести. Мне одному с ним не справиться. Между тем вдвоем мы обработали бы его на славу. Есть ли у Вас для этого — и желанье, и лодка, и весло, и огни за рекой?¹

Черкните мне строчку по адресу: Крым, Алушка.

У меня страшное горе: Мура моя умирает².

Ваш К. Чуковский

Публикуется по подлиннику (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 1235, л. 1).

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В воспоминаниях о Толстом (в части, не вошедшей в окончательный текст) Чуковский писал: «В 1931 году я как-то задумал одну детскую повесть — и едва только принялся за нее, с огорчением увидел, что мне с моей темой не справиться. Я обратился к Алексею Николаевичу и предложил ему сотрудничать со мной. Он тотчас же отозвался на мое предложение. 7 января 1932 года, когда он чуть освободился от срочной работы, он пришел ко мне в Ленклублит и мы детально обсудили каждую главу нашей будущей повести. Но вскоре после этого я вынужден был уехать из Питера и замысел остался неосуществленным» (ГБЛ, ф. 620, к. 47, № 22, 2-й вариант, л. 35—36).

² Мария Корнеевна Чуковская — младшая дочь Корнея Ивановича (р. 1920). Скончалась от туберкулеза 10 ноября 1931 г.

15. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

2 ноября 1931, Детское Село

2 ноября 1931 г.

Дорогой Корней Иванович,
мы все очень сочувствуем Вашему горю. Попробуйте — нельзя ли попользовать Вашу девочку способом Манухина¹. Если хотите, я могу навести здесь справки.

Принципиально я ничего бы не имел против совместной работы с Вами над детской повестью, думаю, что из этого могло бы выйти хорошее дело и хорошая книга.

Сейчас я перегружен работой до конца декабря², сейчас я и думать не могу о чем-либо новом. Но после рождества можно будет найти время. Напишите мне, — какого размера Вы задумали книгу и о чем.

У меня имеются тоже превосходные материалы о приключениях на воде (дневник Фельтена)³. Но нет времени добраться до них.

Привет от Натальи Васильевны. Крепко жму руку.

Ваш А. Толстой

Детское Село, Пролетарская, 4.

... Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

¹ Иван Иванович Манухин (1882—1930) — лечащий врач А. М. Горького; применял свой метод лечения туберкулеза: облучение легких и селезенки рентгеновскими лучами.

² В это время Толстой работал над романом «Черное золото» («Эмигранты»).

³ О дневнике Н. Е. Фельтена см. в наст. книге письма Толстого Н. В. Крандиевской-Толстой (п. 35).

16. ЧУКОВСКИЙ — ТОЛСТОМУ

14 января 1933, Ленинград

14/I 33

Дорогой Алексей Николаевич,
Это не простое письмо, а торжественное поздравление с юбилеем¹. Итак:

Дружески жму Вашу руку и от души радуюсь, что Ваш великолепный талант вывез Вас на такую высокую гору. Те куски из второй части «Петра», которые мне удалось прочесть², обнаружили, что только теперь Вы вполне овладели своим дарованием и что будущее Ваше творчество еще прекраснее прошлого. Вы, — счастливейший обладатель одного из самых гармоничных талантов, какие только были в России, — так щедро делитесь этим своим имуществом с нами, что я в качестве читателя был бы неблагодарной свиньей, если бы не написал Вам этой краткой записки.

Весь Ваш

К. Чуковский

Наталье Васильевне тоже привет и благодарность.

Впервые: Вopr. лит., 1983, № 1, с. 120.

Публикуется по подлиннику (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 1235, л. 2).

¹ 10 января 1933 г. Толстому исполнилось 50 лет.

² Очевидно, Чуковский читал некоторые главы второй части «Петра Первого» в рукописи, так как публикация этой части романа началась со второго номера журн. «Новый мир» за 1933 г.

17. ЧУКОВСКИЙ — ТОЛСТОМУ

25 февраля 1942, Ташкент

Дорогой Алексей Николаевич,

Ваш «Иоанн» — самая большая радость, которую мне довелось испытать за последние восемь месяцев¹. Как будто меня вытащили из моего горя и траура² и дали мне на три часа передышку.

Я предвидел, что трагедия будет полемическая, что Вы пойдете наперекор всем «Князьям Серебряным»³, Иловайским⁴ и проч., и общая схема трагедии представляется довольно отчетливо. Но чего я не предвидел — это той *духовной высоты*, на которую Вы поднимите всю свою тему. Вы могли пойти по линии наименьшего сопротивления — заставить Иоанна почаще говорить про «общее житие земли нашей», изобразить бояр — врагами общегосударственных народных интересов России, — и Ваша адвокатская миссия была бы выполнена. Мы поняли бы Иоанна по-новому, но мы никогда не полюбили бы его так, как мы любим его теперь. А мы любим его — как любят поэтов, широких и даровитых людей. Ваш Иоанн — раньше всего артистическая натура, художник. Разнообразие его душевных качеств — поразительно. Никто до сих пор даже и не дерзал показать его влюбленным; в этом Ваша великая смелость и великая удача. Как поэтичны и темпераментны, и счастливо найдены Вами все слова в любовном диалоге! А это чувство «сладости мира мимотекущей»⁵ — то чувство, которое в такой огромной степени свойственно Вам; эта вера, что «мир не для лжи и суеты создан»⁶ — как великолепно все это выражено не только словами, но образами, поступками, действиями.

Замечательно, что скоморохам и вообще юмористике — здесь отведено так мало места. Вы почти отказались в этой пьесе от такой большой своей силы, как юмор, потому что Вас захватила другая задача — изобразить богатую, щедрую, поэтическую русскую душу «пастуха русской земли», — душу, которая прелестна по-русски, в которой столько лукавства, игривости, таланта, ума и энергии.

Я не согласен с Михоэльсом, что та часть пьесы, где изображен Курбский, выпадает из пьесы⁷. Она органически спаяна с целым.

Великолепны купцы, чудесно использована Красная площадь для того, чтобы продемонстрировать все сословные слои тогдашней России и отношение к ним Иоанна. Самое глубокое место — ночная беседа с убийцей Марии Темрюковны. — Но какой нужен актер, чтобы поднять (или хотя бы понять до конца) эту сцену.

Язык пьесы, конечно, великое литературное чудо. Никакой археологии, никакой стилизации, никакой филологической мозаики,

которая так мертва у А. К. Толстого и так безвкусна у всевозможных Чапыгиных.

Я заметил только несколько мельчайших и случайных описок: например, тавтология: «вручил ему в руки» (слово «вручить» и значит: «дать в руки»).

Скоморохи упоминают «былины». Былины не народное название, а позднейший научный термин. Народное название: «старинны».

Простите, что письмо такое длинное. Привет сердечный Людмиле Ильиничне!⁸

Ваш К. Чуковский

В великолепной речи Михоэлса мне показалось чуждым только одно место — одно слово: чеховская акварель. Неужели «Чайка» — акварель? Это мускулистая, могучая живопись гениальной смелости и силы.

Сейчас, блуждая по детским домам, мы собрали поразительные рассказы детей, испытавших на себе немецкие зверства. Мы бережно сохранили подлинный стиль этих рассказов; получается художественно-агитационная книга⁹. Хотелось бы прочитать Вам из нее две-три страницы.

Публикуется по подлиннику (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 1235, л. 3, 4).

Датируется по пометке Л. И. Толстой на обороте письма: «Ташкент 25/II — 42».

¹ Речь идет о первой части дилогии «Иван Грозный» — «Орел и орлица», которую Толстой начал писать осенью 1941 г. в Зименках близ Горького и закончил в феврале 1942 г. в Ташкенте (вторая часть, «Трудные годы», была написана в январе—апреле 1943 г. в Архангельском).

В начале второй декады февраля 1942 г. Толстой читал пьесу «Орел и орлица» литературным и театральным деятелям Ташкента.

Письмо Чуковского — отклик на это чтение.

² Сыновья Чуковского — Николай Корнеевич и Борис Корнеевич — ушли добровольцами на фронт. Осенью 1941 г. Корней Иванович записал в дневнике: «Эти дни для меня страшные. Не знаю, где Боба. 90 процентов вероятно, что он убит. Где Коля?.. Это мои... раны» (Чуковский К. Страницы из дневника. — Юность, 1982, № 3, с. 92).

³ «Князь Серебряный» — роман А. К. Толстого (1817—1885) из эпохи царствования Ивана Грозного.

⁴ Дмитрий Иванович Иловайский (1832—1920) — русский историк монархического направления. Автор 5-томной «Истории России»; о царствовании Ивана Грозного рассказывается в т. 3.

⁵ Из пьесы «Орел и орлица», картина 9-я.

⁶ Там же, картина 3-я.

⁷ С. М. Михоэлс выступил на обсуждении пьесы. Газ. «Литература и искусство» писала: «Значение этой пьесы («Иван Грозный». — Е. Л.) и ее место в советской драматургии определил в своей речи С. Михоэлс. Он говорил о ее прекрасном языке, сочном и музыкальном, о ее композиции, напоминающей по своей цельности шекспировские пьесы. Он говорил о месте этой поистине классической пьесы в советской драматургии» (1942, 14 марта). Полный текст выступления Михоэлса опубликован не был.

⁸ Людмила Ильинична Толстая (урожд. Крестинская; 1906—1982) — жена А. Н. Толстого (с 1935 г.).

⁹ При Наркомпросе была создана Комиссия помощи эвакуированным детям. Чуковский и члены его семьи работали в этой комиссии на общественных началах, записывали рассказы детей. Книга, о которой упоминается в письме, не была издана.

18. ЧУКОВСКИЙ — ТОЛСТОМУ

После 13-го января 1943. Москва

Дорогой Алексей Николаевич!

Наши олухи-литературоведы всегда утверждали, будто Пушкин «ужасно страдал» в ссылке в селе Михайловском. А между тем во время этих «страданий» Пушкин написал «Графа Нулина», — самую озорную, самую счастливую, бессмертно веселую вещь, какая когда-либо была написана русским пером. Пережить бы хоть на секунду то счастье, какое испытывал этот «страдалец», когда с такой творческой радостью писал эти счастливые строки.

И, слушая Вашу «Нечистую силу»¹, завидуешь не только Вашему таланту, но и тому счастью, которое Вы получили в таком изобилии, создавая эту чудесную вещь. Ведь в ней каждая строчка — удача и каждая фраза — удача и, должно быть, это огромное счастье — испытывать такую полную власть над словесным материалом, над сюжетом, над композицией, над образами. Все образы у Вас в этой пьесе такие мясистые, такие живокровные, что кажутся более живыми, чем многие люди, которых встречаем мы в жизни. А Мардыкин!² Какое широкое обобщение, и как жирно он написан, какими щедрыми, смачными красками. И какая русская фигура: тут и простодушие, и лукавство, и грех, и широта, и жажда святости. И Вы, несмотря на все, питаете к нему такую нежность, что заражаете своей любовью и нас. И знаете Вы его так, словно Вы и сами Мардыкин.

Вы с большим тактом отодвинули на самый задний план публицистическую тему пьесы, и это, конечно, правильно, но мне все же вспоминается одна страница «Московского Листка» за 1899 год. Там печатались объявления московских фирм, и я помню, как велико было мое изумление, когда я случайно заметил, что все фамилии в этих объявлениях — немецкие. Очень было бы эффектно, если бы Ваш Николай³ взял со стола газетку и прочитал бы несколько подлинных текстов тогдашних реклам. Многие ведь понятия не имеют, как глубоко вошел в русскую жизнь в те годы хищнический немецкий капитал. Если хотите, я достану Вам старую газету здесь.

Ваш К. Чуковский

Впервые: *Вопр. лит.*, 1983, № 1, с. 120—121.

Публикуется по подлиннику (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 1235, л. 5).

Датируется по содержанию.

¹ 13 января 1943 г. в Московском клубе писателей было отмечено 60-летие Толстого. С докладом о его творчестве выступил В. Я. Шишков. В заключение Толстой прочел пьесу «Нечистая сила, или Как русский немца обманул» (см.: *Крестинский Ю. А. Хроника жизни и творчества А. Н. Толстого в период Великой Отечественной войны.* — В кн.: *Творчество А. Н. Толстого.* М.: Изд-во МГУ, 1957, с. 196).

² Александр Алексеевич Мардыкин — персонаж пьесы «Нечистая сила».

³ Николай Иванович Шилов, персонаж пьесы «Нечистая сила».

19. ЧУКОВСКИЙ — ТОЛСТОМУ

После 11-го мая 1943. Москва

Дорогой Алексей Николаевич.
Прочтите, наконец, свою книгу¹. Вам понравится. Мне будет весело писать о ней для фермеров Небраски и Арканзаса².

Помимо всех прочих качеств, в ней есть одно — редчайшее — ныне всюду исчезнувшее: безупречный, абсолютный вкус.

Сердечный привет Людмиле Ильиничне.

Ваш К. Чуковский

В ближайшей книге журнала «Октябрь» будет большая статья о «Хождении» по мукам³.

Публикуется по подлиннику (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 1235, л. 7).

Датируется по содержанию предыдущих писем.

¹ Очевидно, первое отдельное издание романа «Хождение по мукам» (М.: Гослитиздат, 1943).

² См. примеч. 1 к п. 19.

³ Статья о «Хождении по мукам» появилась не в «Октябре», а в «Новом мире» (Щербина В. Р. «Хождение по мукам» А. Н. Толстого. — Новый мир, 1943, № 5—6, с. 158—180).

20. ЧУКОВСКИЙ — ТОЛСТОМУ

12 мая 1943. Москва

12/V 43

Дорогой Алексей Николаевич,
прочитал «Хождения» как новую вещь. Словно никогда не читал! Хотя вся эта книга по горло в крови, вся она — о счастье и нашем Праве на Счастье. Теперь, на фоне сорок третьего года, она звучит как пророчество о русской победе: не может не победить та страна, которая стоит на таких кариатидах, как Даша, Катя, Рощин, Телегин, несокрушимые тем, что сердца у них русские.

И то, что Россия могла в эти годы создать такую щедрую, могучую и, главное, оптимистическую книгу, тоже говорит о ее неиссякаемой силе.

Ни одна страна во всем мире не могла бы в это десятилетие предъявить человечеству книгу, столь богатую соками большого искусства и жизни.

Художественная ее насыщенность огромна. Поражает самое количество характеров, положений, событий. И то, что наряду с грубым и хриплым — такое тонкое понимание человеческой нежности, поэтического благородства, любви. Самое разнообразие ее душевных тональностей, недоступное ни одному из современных писателей, есть триумф русского искусства.

Обо всем этом я взялся написать для англо-американских читателей (по заказу Информбюро)¹ и для нашей печати (в «Комсомольскую правду»)². А на сегодняшнее собрание³ решил не ходить: во-первых, у этого будет очень небольшой резонанс («Литгазета» да жены писателей); во-вторых, в этой Шкловско-Асеевской вот-

*А. Н. Толстой.
Фотография. Москва, 1940. ИМЛИ*

чине⁴ я совсем не умею говорить, шамкаю, сбиваюсь, бормочу что-то вялое; в-третьих, дифирамбических речей и без того будет множество, а мой голос гораздо важнее для англо-американских стран, для которых я научился писать лучше, чем для соотечественников⁵.

Весь Ваш К. Чуковский

Публикуется по подлиннику (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 1235, л. 6).

¹ Толстой поддержал Чуковского в намерении написать статью для англо-американских читателей (см. п. 20).

Данными о публикации этой статьи мы не располагаем.

² В «Комс. правде» статья Чуковского о «Хождении по мукам» не появилась.

³ Обсуждение романа Толстого «Хождение по мукам» в Союзе писателей СССР намечалось провести 12 мая 1943 г. (см.: Лит. и искусство, 1943, 8 мая), но оно было перенесено (см.: Там же, 22 мая).

⁴ Виктор Борисович Шкловский (р. 1893—1984) и Николай Николаевич Асеев (1889—1963) в 1943 г. входили в состав правления Союза писателей СССР.

⁵ Чуковский был известен за рубежом как переводчик произведений английских и американских писателей на русский язык; в годы Великой Отечественной войны принимал активное участие в подготовке радиопередач на зарубежное вещание, а также писал статьи для англо-американской прессы.

21. ТОЛСТОЙ — ЧУКОВСКОМУ

14 мая 1943, Москва

14/V 1943

Дорогой Корней Иванович,
спасибо за отзыв о «Х^ождении» по м^укам»¹. Я счастлив, что книга производит именно такое впечатление. В этом весь смысл современного искусства,— в такое отчаянное время,— как наше,— изыскание реальности корней нового Нового Завета. Ведь и старый Новый Завет возник и стал утешением и могучей прогрессивной силой в такие же времена, как и наши. Самому мне не судить, конечно, о качестве и значении «Хождения по мукам», но я вижу, как читатели воспринимают то добро, о котором мне хотелось рассказать в романе. За это добро я немало претерпел в свое время², и очень счастлив, что оно восторжествовало, оно живо в нашем народе, и к нему мы стремимся.

Мне очень хочется, чтобы Вы написали о романе и в Америке, и в Англии. Обсуждение в Союзе писателей переносится,— на нем хочет выступить Гус³. Но мне-то хочется, чтобы Вы написали для заграницы.

Ваш Алексей Толстой

Впервые: ЛГ, 1983, 5 янв.

Публикуется по подлиннику (ГБЛ, ф. 620, 71.65).

¹ См. п. 19.

² Вероятно, Толстой имеет в виду обстановку в литературной среде периода РАППа, о чем он рассказал в последней автобиографии (10, 60—61).

³ Точная дата обсуждения романа Толстого «Хождение по мукам» в печати не сообщалась. Информация об обсуждении (под заглавием «Выдающееся произведение русской литературы») была напечатана в газ. «Литература и искусство»; она начиналась словами: «В деловой и творческой атмосфере прошло на днях обсуждение трилогии А. Н. Толстого „Хождение по мукам“» (Лит. и искусство, 1943, 22 мая). Здесь же были названы участники обсуждения: А. Фадеев, М. Зощенко, И. Груздев, О. Резник, М. Гус, М. Слонимский, П. Антокольский, Н. Никитин, В. Шкловский и др.